

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Иосифович.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

Редактор А. Н. Стоянов.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 127.

ХАРЬКОВЪ, ПЯТНИЦА 15 (27) Мая 1881 года.

ГОДЪ I.

ОТДѢЛЬНЫЕ №№ „ЮЖНАГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“.

1881 ГОДА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Город. без доставки . . .	10 50	10	—	9 25	8 50	7 75	7	—	5 40	4 50	3 50	2 40
Город. съ доставкой . . .	12	—	11 50	10 75	10	—	9 10	8 20	7	—	6 30	5 20
Изгородные . . .	12 50	12	—	11 25	10 25	9 50	8 50	7 50	6 60	5 60	4 50	3 20

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экзemplаръ по соглаш. съ главной конторой газеты. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца; но каждаго срока простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., № 7, при Публичной Библиотекѣ Александра Алексѣевича Иосифовича, принимающаго подписку и объявленія; открыта въ будни отъ 9 час. утра до 7 час. вечера, а въ воскресенье и праздничные дни отъ 11 до 4 час. дня.

Кроме того, подписка принимается въ 6-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Н. И. Маршала и „Полное Вѣдѣніе“ въ книжномъ магазинѣ И. И. Мокшанова въ Харькѣ; въ книжномъ магазинѣ Е. А. Осодоръ въ Одессѣ; въ книжномъ магазинѣ В. И. Рыкова въ Полтавѣ; въ книжномъ магазинѣ Г. И. Родина въ Кременчугѣ, у почтислужа И. Ф. Шибирева.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: въ Франціи исключительно въ Парижѣ — въ Havas, Laiffe et Co, 8 Place de la Bourse; въ Россіи въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петербургъ, домъ Солодовникова, въ Петербургѣ — въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ Варшавѣ — въ парижскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ на Сенатской улицѣ, въ домѣ № 22.

ПОЛТАВСКИЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ БАНКЪ,

согласно постановленія общаго собранія акціонеровъ и разрѣшенія г. министра финансовъ объявляетъ: 1) складочный капиталъ банка увеличивается на 300,000 рублей, выпускомъ 1,500 акцій, распредѣляя ихъ между акціонерами — на 5 акцій прежнихъ выпусковъ 1-го; 2) акціи должны быть оплачены въ теченіи одного года; первый взносъ въ размѣрѣ 25% — не позже 1-го іюля 1881 года; 3) внесеніе первый платежъ до 1-го іюля пользуются учетомъ изъ 6% годовыхъ; 4) выпускаемая акція, до полной ихъ оплаты, дають право голоса пропорціонально сдѣланнымъ взносамъ; 5) взносы по акціямъ принимаются и временныя свидѣтельства выдаются: въ Полтавѣ, въ правленіи банка; въ Харьковѣ, въ торговомъ домѣ Р. Рубинштейнъ и Сынъ и въ Петербургѣ, въ торговомъ домѣ Э. М. Мейеръ и К° и въ Международномъ Коммерческомъ Банкѣ; 6) желающіе получить новыя акціи, должны представить старыя акціи, на которыхъ будетъ вложенъ помянутыми мѣстами и лицами штемпель и 7) остатокъ акцій, который получится по непредставленію старыхъ акцій, будетъ проданъ на биржѣ, а премія, если окажется, — распределена между старыми не оплещенными акціями. 3—2

ХАРЬКОВСКИЙ ТОРГОВЫЙ БАНКЪ.

(основанъ въ 1868 г.).

Складочный капиталъ . . . 1,000,000 р. — к.

Запасный капиталъ . . . 209,140 „ 28 „

УПЛАЧИВАЕТСЯ ПО ВКЛАДАМЪ:

До потребованія . . . 5%

На срокъ до 1 года . . . 5 1/2%

На срокъ два года и болѣе . . . 6%

По текущимъ счедамъ . . . 4%

Выдаетъ ссуды подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ и товаровъ.

Уплачиваетъ векселя.

Переводитъ въ разные города Имперіи денежные суммы.

Принимаетъ на комиссію для полученія векселей, писанныхъ на русскую или иностранную валюту.

Исполняетъ порученія по куплѣ и продажѣ разнаго рода цѣнныхъ бумагъ преимущественно же: государственныхъ, гарантованныхъ правительствомъ и заводскихъ листовъ мѣстныхъ земельныхъ банковъ.

Адресъ, телеграфныя и почтовые: Харьковъ, Торговый Банкъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 14-го мая 1881 года.

Къ вопросу о крестьянскомъ самоуправленіи, III. В-а.

Мѣстная хроника: Городская дума. — Изъ записной книжки репортера.

Телеграммы: (отъ „Международнаго телеграфическаго агентства“).

Внутреннія извѣстія: Корреспонденція „Южного Края“ изъ Багмута, Воронежска, Нижнегочинска и Хороль. — Административныя новости. — Извѣстія изъ газетъ.

Обзоръ газетъ и журналовъ.

Политическое обозрѣніе.

Календарь.

Справочныя свѣдѣнія.

Фельетонъ: Изъ моря житейскаго (окончаніе). Е. Дубовиной.

Объявленія: Объявленія о наймѣ и продажѣ.

ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

(Окончаніе. *)

На слѣдующій день Крюковъ самъ повезъ Машу въ Смольный и, вернувшись домой, увидалъ на столѣ визитную карточку. Онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно и рѣзко дернулъ звонокъ.

Когда былъ у меня Рудановскій? — спросилъ онъ, стараясь не сморщить на вопиющую слугу.

— А сейчасъ послѣ васъ. Они съ Анной Кирилловной долго разговаривали, все про барыню.

Слуга остановился, боясь растрепать сѣбую рану барина. Баринъ иначе поглядывалъ этотъ перерывъ: „знаешь, и этотъ знаетъ“, — подумалъ онъ, и хрипнулъ пальцами.

Про барыню, говоришь, распрашивалъ? Да ему то что? Чужой человѣкъ, наше горе, — не его горе.

Никакъ нѣтъ-съ, — нерешительно отвѣчалъ слуга. Они очень жалѣли барыню, даже заплакали, когда Анна Кирилловна про ихнія муки рассказывала.

Гдѣ онъ живетъ? — рѣзко перебилъ его Крюковъ.

Не могу знать-съ, — сказали.

Они завтра опять къ вамъ обѣщались прѣхать; спрашивали, въ которомъ часу вы встаете.

*) См. газету „Южн. Край“ № 126

поръ онъ не рѣшался касаться. Лишь стога былъ полонъ записокъ, вышесъ изъ книгъ, отрывковъ, записанныхъ размышлений. Вотъ чѣмъ развлекалась его блѣдая, скукающая жена въ длинные, одиночные вечера; часто же заставляло тутъ утро, тоскливо смотрѣвшую въ окно на занимающую зарю, поджидавшего возвращенія мужа, прислушивающегося къ стуку шаговъ по лѣстницѣ; она отворала ему дверь, предупреждая звонокъ, и встрѣчала его всегда любящая, ласковая, съ кроткимъ укоромъ, чась за часомъ, минута за минутой.

Нѣтъ, прочтешь надю; можетъ она и не думала умирать, можетъ случай попола поды конку. Можетъ быть, наконецъ, она преступилъ, чѣмъ я думаю.

Онъ поднесъ письмо къ глазамъ; буквы раздвѣлились, прыгали, то стѣнялись, то растягивались; голова кружилась и начинала болѣть.

Онъ отворилъ форточку, нѣсколько времени стоялъ подъ холодной струей сырого, октябрьскаго воздуха, и чувствовалъ, что ему стало полегче: не такъ стучало въ виски, и самая мысль, какъ будто, прояснилась. Онъ вернулся къ письму.

Ты мнѣ не вѣришь, и не можешь вѣрить, читалъ онъ. Я не буду оправдываться, да и какъ могла бы я сдѣлать это? Ты не повѣришь мнѣ и тогда, когда я покажу тебѣ это письмо Рудановскаго; онъ сдержалъ слово, отомстилъ мнѣ ужасно, какъ никто ни-

когда не мстилъ женщинѣ. Будь я хуже, чѣмъ есть, онъ бы не написалъ такого письма.

Прощай, Количка, дитя мое дорогое, любимое! Съ твоей пошатнувшейся вѣрой въ меня я жить не могу. Какъ я умру, — не знаю; но что умру — это вѣрно. Не помини меня лихомъ, — не за что во всю мою жизнь я никого, кромѣ тебя, не любила, никому, кромѣ тебя не принадлежала.

„Ха, ха, ха, ха!“ — дико захохоталъ Крюковъ, и письмо разлетѣлось по комнатамъ въ мелкихъ клочкахъ. „Даже при вхождѣ въ могилу — ложь и обман! О Господи, Господи, правды мнѣ, правды!“

Онъ хотѣлъ плакать, рыдать, какъ раненный звѣрь. Въ немъ поднималась прежняя жгучая ненависть; прокатились срывались съ языка, пока онъ рвалъ и разбрасывалъ по полу всѣ бумаги, конверты, записки изъ стога жести. Воскресни она, онъ былъ самъ, вторично, толкнулъ ее теперь подъ вагонъ за этотъ беззастѣнчивый обманъ, за эту обидную ложь.

„Прочтешь, что тамъ мерзавецъ пишетъ?“

Онъ всталъ, обмахнулъ платкомъ заплаканное, разгорѣвшееся лицо и началъ ходить изъ угла въ уголъ. Первы у него дѣйствительно были разсержены, въ головѣ совершалось что то странное, безобразное; то вспыхивала глубокая женская нѣжность съ потребностью вѣры, любви и прощенья, то опять замѣшалась ненависть, озлобленіемъ; какъ то отрывочно вспоминались три года пережитого счастья, убитого внезапно налетѣвшей грозой.

когда не мстилъ женщинѣ. Будь я хуже, чѣмъ есть, онъ бы не написалъ такого письма.

Прощай, Количка, дитя мое дорогое, любимое! Съ твоей пошатнувшейся вѣрой въ меня я жить не могу. Какъ я умру, — не знаю; но что умру — это вѣрно. Не помини меня лихомъ, — не за что во всю мою жизнь я никого, кромѣ тебя, не любила, никому, кромѣ тебя не принадлежала.

„Ха, ха, ха, ха!“ — дико захохоталъ Крюковъ, и письмо разлетѣлось по комнатамъ въ мелкихъ клочкахъ. „Даже при вхождѣ въ могилу — ложь и обман! О Господи, Господи, правды мнѣ, правды!“

Онъ хотѣлъ плакать, рыдать, какъ раненный звѣрь. Въ немъ поднималась прежняя жгучая ненависть; прокатились срывались съ языка, пока онъ рвалъ и разбрасывалъ по полу всѣ бумаги, конверты, записки изъ стога жести. Воскресни она, онъ былъ самъ, вторично, толкнулъ ее теперь подъ вагонъ за этотъ беззастѣнчивый обманъ, за эту обидную ложь.

„Прочтешь, что тамъ мерзавецъ пишетъ?“

Онъ всталъ, обмахнулъ платкомъ заплаканное, разгорѣвшееся лицо и началъ ходить изъ угла въ уголъ. Первы у него дѣйствительно были разсержены, въ головѣ совершалось что то странное, безобразное; то вспыхивала глубокая женская нѣжность съ потребностью вѣры, любви и прощенья, то опять замѣшалась ненависть, озлобленіемъ; какъ то отрывочно вспоминались три года пережитого счастья, убитого внезапно налетѣвшей грозой.

Крюковъ дочиталъ письмо до конца, и крѣпко сжалъ его въ дрожащихъ рукахъ. Все въ этомъ письмѣ подтверждало невинность его жены. А вотъ въ концѣ и ея приписка.

„Я бы могла показать тебѣ это письмо; можетъ быть, ты бы и повѣрилъ, какъ ты любишь! Но я не могла, это все равно, я бы не могла вернуть прошлаго: память о томъ, что ты могъ усомниться во мнѣ, отравила бы мнѣ всю послѣдующую жизнь.“

— О, вздоръ, вздоръ! Я бы заставилъ тебя забыть это, я бы все загладилъ; Леля, Леля, что ты сдѣлала! — забывался, крикнулъ онъ, падая на колѣни и прижимаясь лицомъ къ полу.

„Пустяки, уловки! Развѣ могъ Рудановскій, будь онъ послѣднимъ негодяемъ, ринуться на такую клевету? Глупости! У меня нервы разстроены, я не могу бороться со всѣми этими хитросплетеніями, — но и вѣрить имъ не могу!“

Онъ всталъ, обмахнулъ платкомъ заплаканное, разгорѣвшееся лицо и началъ ходить изъ угла въ уголъ. Первы у него дѣйствительно были разсержены, въ головѣ совершалось что то странное, безобразное; то вспыхивала глубокая женская нѣжность съ потребностью вѣры, любви и прощенья, то опять замѣшалась ненависть, озлобленіемъ; какъ то отрывочно вспоминались три года пережитого счастья, убитого внезапно налетѣвшей грозой.

